

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

ДЕНЬ ПЕРЕЕЗДА

Ганс Христиан Андерсен

День переезда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25013398

Аннотация

«Ты, ведь, помнишь колокольного сторожа Оле! Я рассказывал тебе о двух своих посещениях Оле, теперь расскажу и о третьем, но ещё не последнем.

Обыкновенно я навещал его около Нового Года, но на этот раз взобрался на колокольню в самый «день переезда». Внизу, на улицах, в этот день пренеприятно: всюду сор, осколки, черепки, обломки, не говоря уже о ворохах соломы, выкинутой из негодных матрацев!.. Шагаешь, шагаешь по ним!.. Да! пришлось таки мне пошагать! И вот, вижу в опрокинутой мусорной бочке играют двое ребятшек. Они затеяли игру «в спанье», – бочка так и манила улечься в неё. Они и влезли туда, зарылись в гнилую солому и накрылись вместо одеяла куском старых ободранных обоев – то-то любо! Но с меня было уже довольно, и я поспешил вверх, к Оле...»

Содержание

Ганс Христиан Андерсен

День переезда

Ты, ведь, помнишь колокольного сторожа Оле! Я рассказывал тебе о двух своих посещениях Оле, теперь расскажу и о третьем, но ещё не последнем.

Обыкновенно я навещал его около Нового Года, но на этот раз взобрался на колокольню в самый «день переезда». Внизу, на улицах, в этот день пренеприятно: всюду сор, осколки, черепки, обломки, не говоря уже о ворохах соломы, выкинутой из негодных матрацев!.. Шагаешь, шагаешь по ним!.. Да! пришлось таки мне пошагать! И вот, вижу в опрокинутой мусорной бочке играют двое ребятишек. Они затеяли игру «в спанье», – бочка так и манила улечься в неё. Они и влезли туда, зарылись в гнилую солому и накрылись вместо одеяла куском старых ободранных обоев – то-то любо! Но с меня было уже довольно, и я поспешил наверх, к Оле.

– Сегодня «день переезда»! – сказал он. – Улицы и переулки превращаются в гигантские мусорные бочки, а мне довольно бывает и одного ящика: я и из него могу выловить кое-что и выловил таки однажды, вскоре после сочельника. Я спустился на улицу; было сыро, грязно, серо и холодно. Мусорщик остановился со своим возом у одного дома. Ящик его был полнёхонек и мог бы послужить примерным образцом того, во что превращаются копенгагенские улицы в день

переезда. Сзади на возу торчала ёлка, совсем ещё зелёная, на ветвях уцелела мишура; она покрасовалась в сочельник, а затем её выбросили на улицу, и вот, мусорщик водрузил её на свой воз. Смеяться было или плакать, глядя на эту картину? Это, зависит, конечно, от того, что думать при этом. Я смотрел на неё и думал; думали, вероятно, и кое-какие из сваленных в кучу предметов, или по крайней мере могли думать, а это, ведь, почти одно и то же. Лежала там, между прочим, разорванная дамская перчатка. О чём она думала? Сказать ли вам? Она лежала, указывая мизинчиком прямо на ёлку, и думала: «Мне жаль это деревцо! И я тоже была создана блистать при свете огней! И моя жизнь продолжалась одну бальную ночь! Пожатие руки – и я лопнула! Тут обрывается нить моих воспоминаний; больше мне не для чего было жить!» Вот что думала или могла думать перчатка!

«Глупая история с этой ёлкой!» думал черепок от горшка. Черепки всегда и всё находят глупым. «Уж раз попала в мусорную кучу, нечего нос задирать и чваниться своею мишурой! Я-то вот знаю, что приносил пользу на свете, не то, что эта зелёная розга!»

Что ж, и такое мнение имеет много сторонников, но ёлка всё-таки смотрела очень красиво, вносила хоть немножко поэзии в эту мусорную кучу, а сколько таких куч на улицах в день переезда!.. Мне стало тяжело бродить по улицам, и меня потянуло к себе наверх. Тут я сижу себе да благодушно посматриваю вниз.

Вот теперь хорошие люди играют там «в перемену квартир»! Они берутся, перетаскивают своё добро, а домовый сидит на возу и переезжает вместе с ними: домашние дразги, семейные неурядицы, печали и заботы – всё перебирается из старого жилища в новое. Так какой же смысл во всей этой кутерьме? В «Справочной газете» давным-давно как-то было напечатано старое доброе изречение: *«Помни о великом переезде в страну вечности!»*

Вот серьёзная мысль, и, надеюсь, вам не будет неприятно послушать кое-что на эту тему? Смерть, несмотря на кучу дел, была и останется самым исправным чиновником. Вы когда-нибудь думали об этом?

Смерть – кондуктор, паспортист, выдающий нам аттестаты, и директор великой сберегательной кассы человечества. Понимаете вы меня? Все наши земные деяния – и большие, и малые, составляют наш вклад в эту кассу, и вот, когда смерть подъедет к нам со своим дилижансом, в котором мы должны отправиться в страну вечности, она выдаст нам на границе вместо паспорта наш аттестат! Вместо же суточных кормовых денег мы получим из сберегательной кассы то или другое наиболее характерное деяние наше. Для иного это очень приятно, для иного же ужасно!

Никто ещё не избегнул этого переезда в дилижансе смерти. Правда, рассказывают, что был один такой – иерусалимский башмачник, которому не позволили сесть в него. Ему пришлось бежать позади дилижанса. Но случись ему попасть

туда, он бы ускользнул от поэтов! Загляните же когда-нибудь мысленно в дилижанс смерти! В нём самое смешанное общество! Тут сидят рядом король и нищий, гений и идиот. Всем приходится пуститься в дальний путь налегке, без всякого багажа, без денег, с одним аттестатом, да с тем, что выдаст им из сберегательной кассы смерть. Какое же из всех деяний человека вынимает она из сберегательной кассы и даёт ему в дорогу? Может быть, самое маленькое, незаметное, как горошинка; но, ведь, из горошинки вырастает длинный цветущий стебель!

Жалкий бедняк, сидевший у порога и получавший толчки да пинки, получит, может быть, в дорогу этот самый порог. Но он сейчас же превратится в паланкин, в золотой трон или в цветущую беседку, в которой бедняка и отнесут в страну бессмертия.

Тот же, кто постоянно пил из роскошной чаши наслаждения, чтобы забывать содеянное им зло, получит в дорогу простую плошку с чистым, прозрачным питьём, проясняющим мысли. Человек пьёт его и видит то, чего прежде не хотел или не мог видеть. Наказание его в том гложущем черве совести, который никогда не умирает. Если на чаше земных наслаждений была надпись *забвение*, то на этой плошке будет написано *воспоминание*.

Когда я читаю хорошую книгу, историческое сочинение, я всегда задумываюсь над тем, какое деяние вынула смерть из сберегательной кассы и дала в дорогу такому-то или та-

кому-то лицу, о котором я читаю. Вот, например, жил один французский король; имя его я позабыл, – имена добрых всегда забываются, но дела их нет-нет да и всплывают в памяти. Этот король явился в голодный год благодетелем своего народа, и народ воздвиг ему памятник из снега с надписью: «Помощь твоя являлась быстрее, чем тает этот памятник!» Я думаю, что смерть дала этому королю одну снежинку из его памятника, которая никогда не может растаять, и она проводила короля, порхая над его головой белою бабочкою, в страну вечности. А вот ещё жил другой король, Людовик XI¹; его имя я помню, – люди не забывают зла. Мне особенно памятно одно его деяние, и всякий раз, как я вспоминаю о нём, мне так и хочется назвать историю ложью. Он велел казнить своего коннетабля²; ну, это он мог, справедливо или несправедливо – его дело; но у коннетабля были невинные дети, один восьми, другой семи лет; так король велел и их привести на эшафот и обрызгать тёплой кровью отца! Затем он приказал посадить детей в Бастилию, в железную клетку; бедняжкам не дали даже одеяла, чтобы покрываться ночью. А король присылал к ним каждую неделю палача, которому было приказано вырывать у детей по зубу, чтобы им жилось «не слишком вольготно». И старший мальчик сказал однажды палачу: «Матушка умерла бы с горя, если бы знала, что

¹ Людовик XI – король Франции в 1461–1483 годах из династии Валуа.

² Коннетабль Франции – высшая военная государственная должность в средневековом Французском королевстве.

мой маленький брат так страдает! Выдерни же лучше два зуба у меня и оставь его в покое!» У палача выступили на глазах слёзы, но воля короля была сильнее слёз, и королю еженедельно продолжали подавать на серебряном блюде по два детских зуба. Он требовал их и получал. Так вот, я думаю, что эти-то два зуба смерть и вынула из сберегательной кассы человечества и вручила их королю Людовику XI в дорогу, когда он отправился в страну вечности. И зубы невинных детей летели над ним двумя огненными пчёлами, жгли, жалили его всю дорогу!

Да, серьёзный путь предстоит нам в день великого переезда в дилижансе смерти! Когда-то он приедет за нами?

Вспомнишь, что мы можем ожидать его каждый день, каждый час, каждую минуту, и невольно призадуматься. Которое-то из наших деяний вынет тогда смерть из сберегательной кассы и даст нам в дорогу? Да, поразмыслим-ка об этом! День *этого* переезда не обозначен, ведь, в календаре!